

своего рода приливов и отливов в моральной жизни человечества. До сих пор мыслители, раздумывавшие о моральной стороне истории общества, воздерживались от оптимистических выводов...

Мы сознательно остаемся на позициях той концепции прогресса, которую предложил Н. Конрад,— не потому, что во всем с ней согласны, но для того, чтобы в ней разобраться. В заключение еще раз подчеркнем:

в размышлениях автора о смысле истории самым важным нам представляется его этический подход, решительно порывающий с пресловутой теорией человека-«винтика» в механизме истории, его напоминание о высокой моральной ответственности каждого за историю — наследство, которое мы получили из прошлого и должны будем передать грядущему.

А. ГУРЕВИЧ

КОРОТКО О КНИГАХ

ВЫСОКОЕ СЛОВО — ПИСАТЕЛЬ*

Евгений Шварц — об этом говорят все, кто его знал,— был из тех людей, которых в прежние времена называли душой общества. «Шварца любили все или почти все»,— пишет Л. Рахманов. «Он блистал в любом обществе, веселя, покоря словом, жестом, выражением лица, да и просто одним только появлением своим»,— свидетельствует М. Слонимский. «Можно подумать, что он делает только то, что ему нравится; вероятно, это так, но, странным образом, это одновременно приятно всем окружающим... Прощаясь с ним, каждый думает: как он хорош!» — вспоминает М. Шапиро. Любовью дышит каждая страница сборника «Мы знали Евгения Шварца», в котором напечатаны воспоминания писателей, критиков, режиссеров, актеров — М. Слонимского, Н. Чуковского, Л. Пантелеева, Л. Рахманова, В. Кетлинской, Л. Малюгина, М. Янковского, И. Рахманова, Л. Левина, С. Цимбала, А. Дымшица, Н. Акимова, Л. Ма-

карьева, Б. Зона, Ю. Слонимского, Э. Гарина, М. Шапиро, Е. Юнгер. Книга составлена (З. Никитиной и Л. Рахмановым) и оформлена (Н. Акимовым) со вкусом и любовью. В общем, как заметил один из авторов, сборник можно было бы назвать «Мы любили Шварца».

И все-таки эта книга — не только дань памяти обаятельному, остроумному человеку, всеобщему любимцу. В том, что она появилась, немалую, если не решающую, роль сыграло еще одно обстоятельство...

Признание пришло к Шварцу совсем незадолго до смерти, но «истинное значение созданного Евгением Шварцем, цельность и неиссякающая сила его творческого наследия,— говорится в предисловии,— стали понятны, как это случается нередко, только после того, как его самого не стало». Как-то незаметно, в короткий срок Шварц из числившегося по детской литературе драматурга-сказочника, сценическая судьба произведений которого складывалась не слишком счастливо, превратился в автора пьес, по справедливости от-

* «Мы знали Евгения Шварца», «Искусство», Л.—М. 1966, 230 стр.

носимых уже к классике советской драматургии. Имя его приобрело известность и за рубежом. Творчество Шварца стало темой нескольких обстоятельных критических исследований. И вместе с популярностью пьес Шварца возник интерес к личности их создателя. Этот все возрастающий читательский интерес и заставил авторов сборника — пусть они даже не отдавали себе в этом отчета — взяться за перо.

Они не обманули читателей. О жизненном пути и облике Шварца в сборнике рассказано очень подробно. О его юности, когда он пробовал свои силы на сцене — в Ростове и Петрограде. О работе в детской редакции Ленигиза, которую возглавлял С. Маршак и которой мы обязаны рождением лучших традиций советской детской литературы. О том, как держался Шварц в блокадную зиму в Ленинграде. О книгах, которые он любил. О его привычках и даже чудачествах, о его остроумии, — прошло столько лет, а остроты Шварца все еще помнят. Короче говоря, сборник исключительно богат биографическим материалом.

Но ценно не только это. В изданиях, посвященных замечательному человеку, его портрет — причем это делается из самых лучших побуждений — нередко оказывается заретушированным до неузнаваемости. Что-то вольно или невольно отсекается, что-то несколько преувеличивается или преуменьшается, в дело идут лишь краски одного тона и много пудры, и человек крупный, человек сильных страстей, сложного духовного мира оказывается заурядным, бедным духовно, настолько «простым» и ясным, что вспоминаются слова Маяковского о тех, кто «постоянно ясен»... «Евгений Львович, — пишет Л. Пантелеев, — был человек слож-

ный». Таким он и предстает в сборнике. И «сложный» в данном случае означает не «со всячинкой»; применительно к Шварцу это слово должно выразить тонкость духовной организации, самобытность натуры, способность увлекаться безоглядно.

В пьесах Шварца такая свобода, легкость и изящество, что кажется, давались они автору без всякого труда, написаны в один присест, без помарок. А между тем, как свидетельствуют люди, близкие Шварцу, он долго и мучительно искал себя в литературе, работал много, упорно, но без мрачной иступленности, а с каким-то веселым азартом. Литература была для него главным делом жизни, которому он отдавался самозабвенно. Вот что рассказывает Л. Пантелеев:

«У него был очередной инфаркт. Было совсем плохо, врачи объявили, что остаток жизни его исчисляется часами. И сам он понимал, что смерть стоит рядом...

Он просил окружающих:

— Дайте мне, пожалуйста, карандаш и бумагу! Я хочу написать о бабочке...

Думали — бредит. Но это не было бредом.

Болезнь и на этот раз отпустила его, и дня через два он рассказывал мне о том, как мучила его тогда мысль, что он умрет, — сейчас вот, через минуту умрет, — и не успеет рассказать о многом, и прежде всего об этой вот бабочке.

— О какой бабочке?

— Да о самой простой белой бабочке. Я ее видел в Комарове — летом — в садике у парикмахерской...

— Чем же она тебе так понравилась, эта бабочка?

— Да ничем. Самая обыкновенная, вульгарная капустница. Но, понимаешь, мне казалось, что я нашел

слова, какими о ней рассказать. О том, как она летала. Ведь ты сам знаешь, как это здорово — найти нужное слово».

Шварц не любил чистоплюев и белоручек в литературе, высокомерно делящих литературную работу на белую и черную, гнушающихся «вспомогательными» и «прикладными» жанрами. Он искренне изумлялся, что какую-то литературную работу считают поденщиной, и часто говорил: «Надо делать все, о чем тебя попросят, не отказываться ни от чего. И стараться, чтобы все получалось хорошо и даже отлично». И в самом деле брался за все — писал куплеты, подписи под журнальными картинками, балетные либретто, цирковые репризы, вкладывая и в эти вещи весь свой талант.

Профессиональная и нравственная сторона в писательстве были для Шварца неразделимы. Как-то на одном из собраний ленинградских писателей он произнес слова, которые многим запомнились: «Конечно, никому не возбраняется втайне, в глубине души надеяться, что он недурен собой и что кто-нибудь, может быть, считает его красивым. Но утверждать публично: я — красивый — непристойно. Так и пишущий может в глубине души надеяться, что он писатель. Но говорить вслух: я —

писатель — нельзя. Вслух можно сказать: я — член Союза писателей, потому что это есть факт, удостоверяемый членским билетом, подписью и печатью. А писатель — слишком высокое слово...» Это и не могло не запомниться: так точно и просто сказал Шварц о том, что составляет одну из благородных традиций русской литературы.

Не случайно самым его любимым писателем был Чехов. И это только на первый взгляд кажется неожиданным: влияние Чехова явственно ощущается в характере юмора Шварца, а главное — в нравственной атмосфере его произведений. Надо надеяться, что мимо этой проблемы, на которую наталкивают воспоминания, не пройдут будущие исследователи творчества Шварца. И таких неожиданных «узелков», которые в дальнейшем предстоит развязывать критикам и литературоведам, чтобы, придерживаясь обнаруженной нити, открывать новые «пласты» в драматургии Шварца, в сборнике великое множество. Можно не сомневаться, что выпущенный издательством «Искусство» сборник поможет и читателям и исследователям лучше, глубже понять произведения Евгения Шварца.

Л. ЛАЗАРЕВ

КНИГА О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ*

В богатой славными именами истории мировой литературы особое место занимают те, кто завоевал право на бессмертие не только своими прекрасными творениями, но и легендарным мужеством, героической

борьбой за свободу народов. Один из таких писателей — Муса Джалиль.

Вот почему, кроме исследований о творчестве Джалиля, нам нужны книги, правдиво рассказывающие о том, каким он был, как писал и о чем говорил с друзьями, как началась его литературная деятельность и как он пришел к «Моабитской тет-

* «Воспоминания о Мусе Джалиле». Составители Г. Кашшаф и Р. Мустафин, Казань, Таткнигоиздат, 1966, 236 стр.